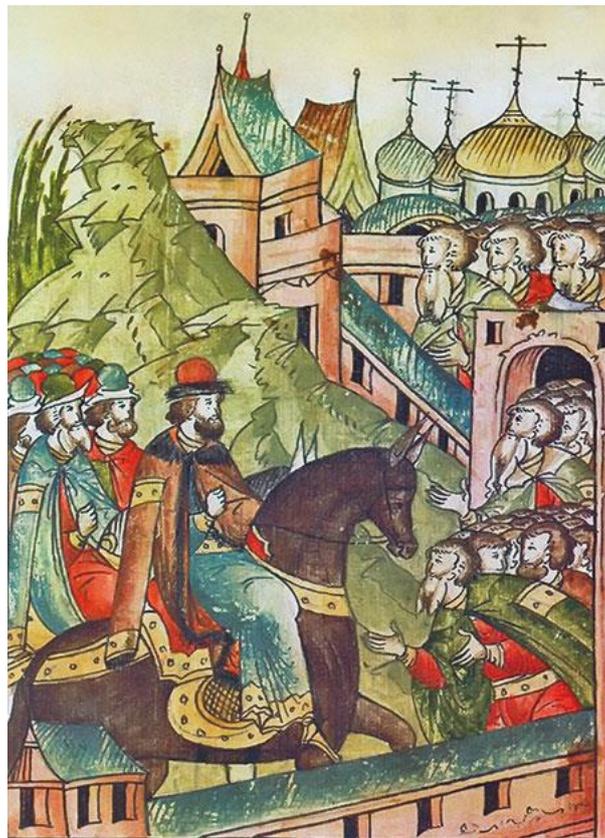

О ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ XVI ВЕКА

ТЕКСТ ПОДГОТОВИЛА ИРИНА СЕРАПИНИЕЕНЕ

Начиная с XI века на территории Древней Руси при дворах князей и в монастырях, последовательно, год за годом в летописях записывались наиболее важные и значимые события. В них также отражались взаимоотношения между различными княжескими семьями: согласие и брачные союзы, противоречия и вражда. В летописи вносились сведения о нападении врагов, военных походах и мирных договорах.

Владимир Всеволодович Мономах прибывает в Киев на престол отца и деда в 1113 г.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Благодаря записанным в них сведениям, летописи со временем превратились в важные исторические документы, на основании которых, великие и удельные князья преодолевали разногласия в спорах о наследстве, отстаивали неприкосновенность границ своих княжеств. Летописные записи помогали представителям русских княжеских родов определять права на великое княжение. Летописание было общепринятой культурной традицией, не прерывавшейся на Руси в течение столетий.

В XVI веке завершилось объединение русских земель, большинство княжеств вошло в состав Великого княжества Московского, которое стало сильным независимым православным государством, к этому времени все другие православные страны потеряли свою самостоятельность.

Во времена правления царя Ивана IV Грозного началась работа по созданию летописи, которая объединила летописные «истории» русских княжеств в последовательную, общую историю Русского государства. Создатели этой летописи, которую называли «Лицевой летописный свод», считали что единство Древней Руси сохранилось благодаря православной вере и преемственности княжеской власти, которая от великих киевских князей перешла к великим князьям владимирскими, а затем – к великим князьям московским. На протяжении веков на Руси сохранялась единая княжеская династия.

Создатели Лицевого летописного свода использовали в своей работе переводы древних книг, многочисленные русские летописи и документы. Они подбирали информацию из различных источников и соединяли, «сводили» её в последовательный рассказ о событиях, происходивших сотни лет назад. Писцы переписывали подготовленные тексты рассказов на листы бумаги рядом с изображениями «в лицах», то есть рисунками, которые иллюстрировали содержание текста. Более шестнадцати тысяч таких рисунков – цветных миниатюр украшают страницы Лицевого летописного свода, бумага для которого была специально закуплена во Франции.

Лицевой летописный свод начинается с рассказа о событиях Священной истории. Затем описывается история древнего Востока и эллинистического мира, череду возвышений и падений древних государств продолжают Римская империя и Византия.

Основную часть Лицевого летописного свода занимает изложение истории Русского государства, от его начала «откуда есть пошла русская земля» до правления московских самодержцев, повествование последовательно доходит до истории «новых времён» -- царствования Ивана IV Грозного.

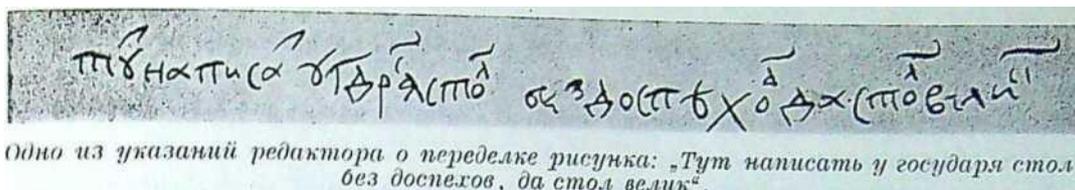
Первоначально Лицевой летописный свод состоял из отдельных листов текста с иллюстрациями, но предположительно в XVII или в XVIII веке из них сделали книги. Отдельные листы были переплетены в тома, при этом некоторые листы летописи были хронологически перепутаны, а часть листов была утрачена. С тех пор Лицевой летописный свод существует в виде 10 томов.

Княжна Мария, дочь великого князя Дмитрия Донского выходит замуж за князя Лутвения Ольгердовича Литовского. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

История царствования Ивана IV Грозного изложена в последнем томе, который охватывает период с 1535 года по 1567 год. Этот том Лицевого летописного свода учёные-исследователи называют «Синодальным томом», так как он долгое время принадлежал библиотеке Синода. Изучая текст Синодального тома, написанный, как и весь Лицевой летописный свод, специальным книжным шрифтом «полууставом», учёные обратили внимание на то, что многие его страницы испорчены.

Не считаясь с тем, что портит уже завершённую работу, кто-то сделал скорописью различные поправки в тексте Синодального тома и приписал к нему дополнительные строки. Самые значительные по объёму приписки были размещены на полях рукописи, они обрамляют основной текст и рисунки. Среди приписок есть указания для художников переделать некоторые иллюстрации: «Здесь государь написан не к делу», -- гласит пометка на листе с изображением царя Ивана Грозного или: «Царя писат тут надобет стара». Замечание в другом месте: «Тут написат у государя стол без доспехов да стол велик». Изображение свадьбы Ивана Грозного предписано «розписат на двое — венчание да брак», то есть сделать два новых рисунка.

Готовую рукопись Синодального тома, вероятно, просматривал человек, обладавший большими полномочиями, его мнение было решающим и неоспоримым. Делая поправки, которые портили завершённую работу, он был уверен что рукопись будет заново переписана. Действительно, это было исполнено. Все замечания, сделанные в Синодальном томе, были учтены при создании его исправленного варианта: иллюстрации были перерисованы, приписки были вписаны полууставом в основной текст.

Этот переписанный экземпляр последнего тома Лицевого свода был обнаружен в середине XVIII века в патриаршей библиотеке известным историком князем М. М. Щербатовым. Он преподнёс эту рукопись Екатерине II «яко достойную любопытства» и получил разрешение издать её, назвав при этом «Царственной книгой». Под этим наименованием рукопись впоследствии вошла в научный оборот.

Исследуя содержание Царственной книги, учёные обнаружили, что на её страницах тоже имеется большое количество поправок и приписок. Было отмечено, что некоторые приписки из Синодального тома, ставшие текстом Царственной книги, были зачёркнуты, а рядом с ними появились новые приписки, содержание которых противоречило тому, что специально было вписано в текст. Кроме того содержание некоторых рассказов Синодального тома, переписанных без изменения в Царственную книгу, подверглось в ней исправлению и дополнению. Вероятно, тот кто вносил поправки в Царственную книгу опять не сомневался в том, что и её текст будет заново переписан. Но на сей раз этого не произошло.

Шрифты полуустав и скоропись. Лист из Лицевого летописного свода. XVI в.

Князь Щербатов, издавший Царственную книгу в 1779 году, внёс все приписки в основной текст, не придав значения их содержанию. Впоследствии несколько поколений историков использовало это издание в своей работе, не подозревая о том, что часть информации, была приписана кем-то к тексту официального Лицевого летописного свода. Несмотря на то, что позднее в издании Полного собрания русских летописей (публикация этого многотомного научного издания началась в 1841 году) приписки были выделены издателем из основного текста и стали заметны, легко различимы, никто из учёных долгое время, вплоть до конца XIX века специально не занимался вопросом их происхождения.

Благодаря тому, что обе рукописи – Синодальный том и Царственная книга сохранились, стало возможным изучить всю черновую работу, проделанную когда-то в этих двух текстах и попытаться прояснить причину появления многочисленных исправлений и добавлений.

В Синодальном томе описываются события, происходившие с 1535 по 1567 год. Поправки и добавления к тексту начинаются с 1538 года (в тот год восьмилетний отрок Иоанн, будущий царь, и его пятилетний родной брат Юрий, остались круглыми сиротами). Приписки на полях Синодального тома распределены неравномерно, последняя из них сделана к описанию событий окончания русско-шведской войны в 1557 году. К изложению истории дальнейших десяти лет ничего не добавлено. Большая часть текста Синодального тома, примерно до известия о смерти первой жены Ивана Грозного (царица Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева умерла в августе 1560 года), украшена яркими заголовками, выведенными киноварью, их более трехсот. В другой же части, охватывавшей 1560—1567 годы, таких заголовков только четыре. Иное оформление текста и отсутствие в нём приписок после 1560 года указывает на то, что размеренный ход работы был нарушен и эти страницы Синодального тома были написаны позже, в другое время.

Подтверждение этому есть в документе середины XVI века. В описи архива Ивана Грозного упоминается: «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописец лета новые. Прибраны от лета 1560 и до лета 1567». Эта запись указывает на то, что в архиве хранились материалы для включения в летопись за 1560 -- 1567 годы, а «списки» относящиеся к событиям до 1560 года, уже «не прибирались» и ни в одном из ящиков архива не хранились. Вероятно к этому времени они были уже отосланы

из архива. Переписанные набело и украшенные рисунками они стали страницами «летописца лет новых», то есть Синодального тома. Впоследствии содержание этих листов Синодального тома подверглось исправлению и дополнению. Рукопись, испорченная приписками, была отдана для переписывания.

При создании нового, исправленного варианта, то есть Царственной книги, была проделана серьёзная, трудоёмкая работа: заново написаны страницы с изменённым содержанием текста, было перерисовано более тысячи иллюстраций.

Стоглавый собор в Москве в 1551 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Создание Лицевого летописного свода продолжалось в то время когда происходили события, влиявшие на уклад жизни Великого княжества Московского. В январе 1558 года началась Ливонская война, которая затем длилась в течение 25 лет. В августе 1561 года Иван Грозный заключил второй брак, женился на Марии Темрюковне, дочери кабардинского князя Темрюка. В декабре 1563 года умер царский наставник митрополит Макарий, который с самого начала руководил работами по созданию Лицевого летописного свода. В апреле 1564 года изменил царю и сбежал в Литву князь Андрей Курбский. В январе 1565 года Иван Грозный, уставший от боярских интриг, переехал из Московского Кремля в Александровскую слободу и «учинил опричнину», основал «особый двор государев». Все эти внешние обстоятельства не могли не отразиться на ходе работ над официальным Лицевым летописным сводом – содержание его последнего тома, Царственной книги, подверглось исправлению и дополнению.

Осада русскими войсками ливонского города.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Исследователи приписок, сделанных в Синодальном томе и Царственной книге, обратили внимание на то, что они имеют заметное сходство между собой. Все приписки сделаны скорописью одним и тем же почерком, слова и целые фразы вписаны между строк. Отдельные слова зачёркнуты и заменены другими, более точно выражающими мысль. Такие приписки могли быть сделаны только при внимательном чтении текста. Большие по объёму добавления к тексту были написаны на свободных боковых полях рукописи. Тот, кто вносил в летопись приписки и поправки, писал, по-видимому, очень быстро и сделал немало опусок и помарок.

Содержание приписок к Синодальному тому и Царственной книге указывает на то, что их автор был осведомлён о важных событиях, происходивших в столице, непосредственно при участии царя, ему также было известно, что творилось в отдалённых пределах государства. Автор приписок был знаком с содержанием хранившихся в царском архиве важных документов, в том числе секретных. Он знал подробности жизни Ивана Грозного во времена детства и отрочества.

Автор приписок считал, что сведения которые в них содержатся являются важными и необходимыми дополнениями к официальному Лицевому летописному своду. Приписки помогают понять логику поведения царя, причины принятых им решений и совершённых поступков, закономерность и неизбежность, последовавших за этим событий. Всё это даёт возможность полагать, что приписки мог сделать сам Иван Васильевич Грозный.

Подтвердить это предположение довольно сложно, так как не сохранилось ни одного автографа Ивана Грозного, не уцелело ни одного собственноручно написанного им документа -- сличить почерки нельзя. Все сочинения царя, например, его послания к Курбскому, дошли до нас только в списках XVII века, тем не менее существует возможность обратиться к этим сочинениям Ивана Грозного и попытаться найти в других текстах элементы родственные припискам по содержанию и оборотам речи.

В конце апреля 1564 года во время продолжавшихся боевых действий Ливонской войны, один из военачальников русских войск князь Андрей Курбский перешёл на сторону неприятеля -- бежал в Вольмар, где располагались боевые отряды литовцев. Вскоре после своей измены, беглый воевода прислал царю Ивану Грозному оскорбительное письмо, на которое царь 5 июля 1564 года дал ответ, известный под названием «Благочестиваго великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси послание во все его Великие Росии государство на крестопреступников, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене». Это письмо царя является важным документом, в котором Иван Грозный откровенно высказал своё мнение о деятельности отдельных влиятельных бояр, обличая их корыстолюбие и предательство. Сравнивая содержание царского послания и некоторые приписки в Лицевом летописном своде можно установить что изложение фактов, часто совпадает дословно, а там где нет такого сходства, можно заметить тот же ход мыслей и те же выводы.

Первая важная приписка, сделанная на листах Синодального тома, она добавлена к рассказу летописи под 1539 годом, который сообщает о кровавых столкновениях происшедших между двумя княжескими родами, Шуйскими и Бельскими. Приписка дополняет этот рассказ летописи. Шуйские утвердились в своём могуществе: «А князя Ивана Федоровича Белского поймаша и посадиша его за сторожи, а боярина Михаила Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село». В своём послании к Курбскому Иван Грозный начинает перечень боярских распрей времён своего малолетства именно с мятежа Шуйских в 1539 году.

Следующая приписка к Синодальному тому подробно описывает новый мятеж Шуйских в 1542 году, когда они устранили соперников. В своём письме царь также упоминает этот мятеж, грубое боярское своеволие, свидетелем которого он стал в свои отроческие годы, когда ему было 12 лет. В приписке сообщаются подробности: когда князя Ивана Фёдоровича Бельского брали, так бояре пришли к государю в постельные хоромы не во время, за три часа до рассвета и петь у крестов заставили. «А митрополит Иосаф в те поры пришел ко государю в комнату, и бояре

пришли за ним ко государю в комнату шумом, и сослаша митрополита в Кирилов монастырь на Белоозеро». В письме к Курбскому рассказ об этом событии краток и завершается так: «Да митрополита Иосафа с великим бесчестьем с митрополии согнаша».

Небольшая приписка под 1550 годом в Синодальном томе рассказывает о постоянных набегах степняков-кочевников на окраинные земли Великого княжества Московского, в боевых действиях против них принимали участие русские полки. Содержание приписки совпадает с записью, сделанной в разрядной книге под 1550 годом, в которой сообщается о посылке русской рати на «луговых людей» (так называли кочевников). Из разрядной книги в текст летописи были перенесены сведения о боярах и воеводах, возглавивших оборону, а также названия населённых пунктов возле которых стояли полки. Эта приписка указывает на то, что текст летописи сверялся с другими источниками.

Бой русского войска с татарами. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

В тексте Синодального тома под 1554 годом рассказывается о том, что князь Семён Лобанов-Ростовский, войдя в сношения с литовским послом Станиславом Довойном, решил бежать в Литву, и что «царь и великий князь велел князя Семена поймать и выпросить его. И князь Семен сказал, что хотел бежать от своего убожества и палаумьства». Об этом происшествии упоминается и в сохранившейся в делах Посольского приказа секретной инструкции, которую Иван Грозный дал уезжавшему в Польшу русскому послу Фёдору Вокшерину: если там начнут его расспрашивать про беглеца, отвечать, что князь Семён «в разуме прост» и «на службу не пригодился», «со всякими иноземцы говорил непригожие речи про государя» и что у него никаких сообщников не было. Вероятно, указание это было дано из-за опасения, что слухи об измене Лобанова-Ростовского могут вызвать за границей нежелательные толки.

Спустя много лет в обширной приписке на полях Синодального тома впервые предавались огласке сведения, взятые из секретного сыского (следственного) дела, хранившегося в царском архиве. В приписке приведено много неизвестных из других источников подробностей, перечислены имена бояр и дьяков, участвовавших в расследовании. В приписке упоминается о том как князь Семён Лобанов-Ростовский клеветал литовскому послу Станиславу Довойну на царя. Приводятся слова «взнеествовавшегося злобою» князя Семёна: «...всех их (бояр) государь не жалует и бесчестит, а близ себе людей молодых ставит, а нас ими теснит... да и тем нас истеснил, что женился -- у боярина у своего дочер взял, поял робу свою, и нам как служить своей сестре?..» Князь Семён Лобанов-Ростовский считал обиженным не одного себя и говорил не только от своего имени. «Молодыми людьми», близость которых к царю вызвала недовольство бояр, были его незнатные советники: Алексей Адашев, Иван Висковатый, священник Успенского собора Сильвестр и другие. Осуждали бояре Ивана Грозного и за то, что он взял себе в жёны Анастасию Романовну Захарьину -- дочь своего окольничьего из незнатного рода. Иван Грозный в своём ответе на письмо Курбского упоминает о предательстве князя Семёна Ростовского: «Своим изменным обычаем, литовским послом — пану Станиславу Давойну... душу изнесе, нас укоряючи и нашу царицу».

При сравнении описания одних и тех же событий в текстах Синодального тома и Царственной книги заметны различия. Например, к рассказу о столкновении между князьями Шуйскими и князем Бельским, внесённому в летопись под 1539 годом, на полях Синодального тома было приписано, что в этой распре пострадал боярин Михаил Васильевич Тучков, которого Шуйские «сослаша с Москвы в его село».

В Царственной книге об этом противостоянии сообщается иначе, здесь Тучков упоминается среди тех, кто был зачинщиком боярской усобицы. Рассказ под 1539 годом более подробный, чем в Синодальном томе, дан заголовок «О вражде между бояр великого князя и о убийстве диака Федора Мишурина».

Казнь Фёдора Мишурина. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Повествование начинается так: «Тоя же осени по дияволю действу бысть вражда между великого князя бояр: начата враждовати князь Василей да князь Иван Василович Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Василовича Тучкова за то, что князь Иван Белской да Михайло Тучков советовали великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярьством князя Юрия Михайловича Голицына, а Ивана Ивановича Хабарова окольничим; а князь Василей да князь Иван Шуйские того не восхотеша. И многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племянех их, -- всяк своим печется, а не государьским, ни земским. И о сем начата вражду велику дрѣжати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Белского и на Михаила Тучкова да на диака на Федора на Мишурина». И в той их брани повелели Шуйские и иные бояре дьяка Федора Мишурина ободрать на дворе великого князя. Сорвав одежду, отвели его до тюрьмы, там нагого положили на плаху, и повелели его казнить смертною казнью; и отсекли голову его без веления государя в октябре в 21 день, в воскресенье. Князь Бельский, советуя девятилетнему великому князю Ивану Васильевичу наделить властью своих сторонников, пытался упрочить своё положение при дворе, но князья Шуйские не допустили этого. Михаил Тучков оказался среди тех кто вместе с Бельским потерпел поражение в этом боярском противоборстве.

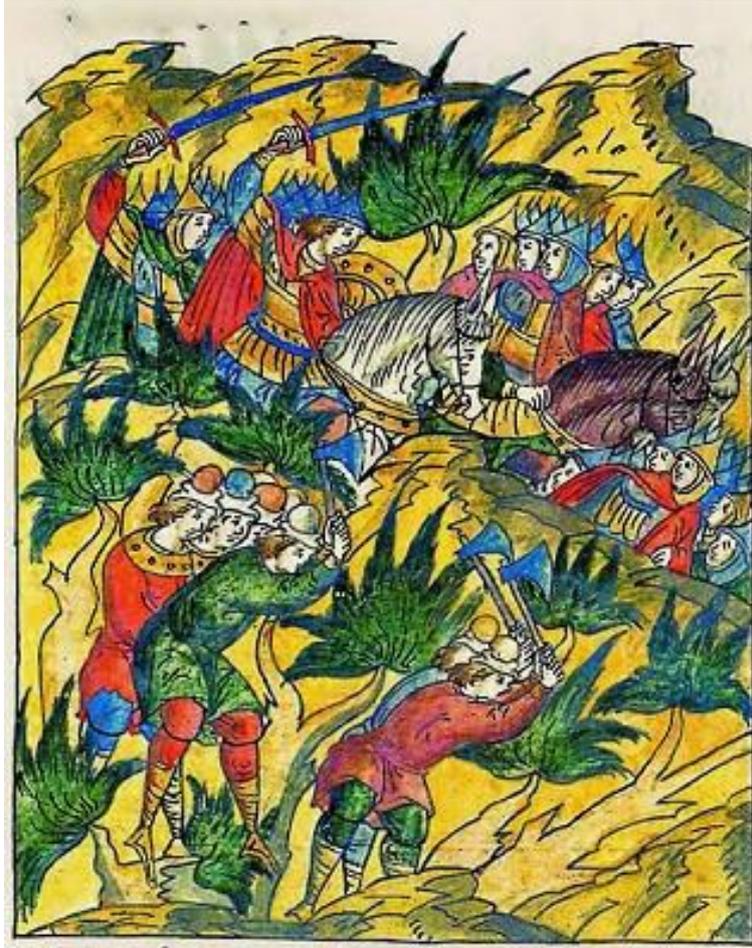
Возможно, этот обстоятельный рассказ появился в Царственной книге в связи с тем, что Михаил Тучков был дедом Андрея Курбского, бежавшего из России. В своём ответном послании Курбскому от 5 июля 1564 года царь Иван Грозный враждебно высказался о Тучкове, сопроводив свои слова таким обращением к его внуку: «... А понеже еси порождение исчадия ехиднова -- по сему тако и яд отрыгаеши». Приписка к тексту Синодального тома, в которой Тучков представлен пострадавшим во время боярской усьобицы, могла быть сделана только до измены Курбского и до опалы, поразившей всех его родственников.

В этом же послании к Курбскому не менее резко отозвался царь Иван Грозный и о недавнем близком своём советнике Алексее Адашеве, обвиняя его в дружбе с изменником Курбским. Между тем в одной из приписок к Синодальному тому сообщалось, что Адашев введён в состав судной комиссии, назначенной для разбора дела князя Семёна Лобанова-Ростовского. Это также подтверждает то, что приписка в Синодальном томе была сделана до послания к Курбскому. Иначе бы в ней не упоминалось о доверии оказанном Адашеву.

При сопоставлении приписок, сделанных на полях Царственной книги и письма Ивана Грозного от 5 июля 1564 года также можно отметить совпадение упоминаемых имён и фактов.

Первая большая приписка в Царственной книге сделана под 1543 годом. Краткий рассказ летописи о грубом своевольном поступке бояр Шуйских был вычеркнут, а вместо него появилось подробное изложение событий. В приписке рассказывается о том как в сентябре 1543 года бояре Шуйские со своими сторонниками в присутствии митрополита Московского Макария и 13-летнего великого князя Ивана Васильевича начали избивать и едва не убили боярина Фёдора Воронцова, которому благоволил юный князь. Заступившегося за Воронцова митрополита Макария они стали дерзко оскорблять, а боярин Андрей Шуйский наступал ногами на мантию высшего церковного иерарха до тех пор пока не разорвал её в клочья. В своём послании к Курбскому Иван Грозный упоминая об этом событии, использовал те же слова и выражения. Но в письме, в отличие от приписки, не содержатся подробности этого бесчинства и имена зачинщиков.

В тексте Царственной книги под 1545 годом упоминается о налёте крымских татар: «Того же месяца декабря 30 приходил крымский царевич Имин Гирей Калга... со многими людьми крымскими безвестно на украинские места Белевские и Одоевские и по грехом за небрежение попленише многих людей». Это краткое сообщение было дополнено припиской с именами виновников поражения. Защищая южные русские границы от крымских набегов, войском на берегу реки Оки командовали князь Константин Курлятев, Михаил Воротынский и князь Пётр Щенятев, который был первым воеводой войск в Белёве и Одоеве. «Разопрешася о местех», то есть заспорив, кто кому должен подчиняться, они не оказали вовремя помощи передовому полку, чем и воспользовались крымские татары. Когда происходили эти события великому князю Ивану Васильевичу было пятнадцать лет, он ещё не обладал всей полнотой власти. Спустя годы эта приписка обличила бояр, которые из-за местнических споров забыли о служении государству.

Русские воины и устроители засад против татарских отрядов.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Следующая приписка к Царственной книге сделана под 1547 годом, там где был помещён рассказ о пожарах, продолжавшихся в Москве с середины апреля по конец июня 1547 года. Текст этого рассказа не подвергался изменению в Синодальном томе и без поправок был перенесён оттуда в Царственную книгу.

В летописи отмечалось: пришла засуха великая и вода в одну неделю спала, а суда на Москве-реке обсушило. Длительная засуха стала причиной нескольких крупных пожаров в Москве. В летописи сообщалось, что после одного из них, «великого», самого опустошительного, «чёрные люди града Москвы от великие скорби пожарные всколебашася... и

В приписке рассказывается о том, что в 1547 году, 21 июня в Москве начался «великий пожар»: «загореся храм Воздвижение честнаго Креста за Неглинною на Арбацкой улице», пожар возник во время бури с ветром, способствовавшим его распространению: «бысть буря велика и потече огонь, якоже мьолния». После Арбатской улицы загорелся Большой посад. Из-за сильного ветра огонь перекинулся на Кремль, там загорелись деревянные хозяйственные постройки. От пожара пострадали и царские хоромы и каменные строения: «Оружничья» палата с воинским оружием и Казённый двор, где хранилась царская казна. Взорвалась одна из пороховых башен Кремля. «Великий пожар» уничтожил большую часть города. Как сообщает летопись: «Множество народа сгореша. 1700 мужеска полу и женска и младенец».

Во время июньского пожара царь Иван Грозный находился в селе Воробьёве с женой и братом Юрием. Узнав о трагедии, он приехал в Москву и совершил молебен в Успенском соборе, однако вскоре опять уехал в село. В его отсутствие в столице из-за слухов начались волнения: якобы Москва сгорела от «волшебства неких тайных злодеев». Оставшиеся без крова люди искали виновных в поджогах. Иван Грозный велел начать розыски. Этим воспользовались те, кто был настроен враждебно к князьям Глинским (родственникам матери царя), на них указывали как на виновников пожара. Простой люд подстрекали к беспорядкам. 26 июня, в воскресенье, в Кремле был собран народ. Приступив к дознанию, князь Фёдор Шуйский и бояре стали спрашивать: "Кто зажигал Москву?" Подученные люди обвинили княгиню Анну Глинскую (родную бабушку царя), якобы она наколдовала пожар: «Княгиня Анна с детьми волховала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила и оттого Москва выгорела». Говорили также, что княгиня Анна по ночам превращалась в сороку, «летала да зажигала». После таих обвинений возмущённая толпа стала искать Глинских. В то время в Кремле находился родной дядя царя, сын княгини Анны князь Юрий Глинский, который попытался укрыться в Успенском соборе. Разыскав его, разъярённые люди: «...князя Юрия Васильевича Глинского бесчеловечно волокли в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы и убиша в церкви безвинно, против митрополича места, и кровью его помост церковный окровавивше... И сие во церкви святой убийство его всем ведомо!». В то время были убиты и многие слуги Глинских, а княжеское имущество было разграблено

Великий пожар в Москве в июне 1547 г.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Анна Глинская с другим своим сыном, Михаилом, во время этих событий находилась в городе Ржеве. 29 июня, на третий день после убийства князя Юрия «бысть смятение людем московским: поидоша многие люди черные к Воробьеву и с щиты и сулицы, яко к боеви обычаи имаху, по кличю палача». Придя в Воробьево толпа потребовала выдать им княгиню Анну и Михаила Глинских, полагая что они были спрятаны в царских покоях. В ответ на это Иван Грозный велел схватить зачинщиков и казнить их. Тогда на остальных мятежников напал страх, и они разбежались.

В приписке указываются имена главных подстрекателей народа против Глинских: «Быша же в совете сем протопоп Благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шуйский, князь Юрью Темкин, Иван Петров Федоров, Григорий Юрьевич Захарьин, Федор Нагой...»

Самой большой и важной по своему содержанию является приписка под 1553 годом. В ней рассказывается о тяжёлой болезни царя в марте и о происшедшей в это время боярской смуте. В самом тексте Царственной книги о мятеже ничего не сказано, только особо указывается на серьёзность болезни Ивана Васильевича: « ... посети немощь православного нашего царя, прииде огонь велий, сиречь огневая болезнь».

Приписка в Царственной книге раскрывает подробности событий, вызвавших разногласия и ропот среди бояр. Иван Грозный также упоминает об этом боярском волнении в своём послании Курбскому от 5 июля 1564 года. При сравнении этих двух текстов учёные отметили, что изложение происшедшего имеет схожие доводы и суждения. Например, и тут и там упоминается о нарушении боярами их клятвы: «мимо» Ивана Грозного и его детей «инога государя себе не искати». И письмо и приписка содержат одинаковый вывод из рассказа о боярской смуте, в приписке говорится о том, что «оттоле царству почала быть во всем скудость», в письме слово «скудость» заменено на «горчайшее утеснение».

В приписке рассказывается о том, что царь Иван Грозный был тяжело болен: к утру 11 марта его состояние настолько ухудшилось, что «мало и людей знаяше». Во дворце собрались члены ближней думы, чтобы получить указание царя о дальнейших действиях. В приписке указано: «Царя же и великого князя дияк Иван Михайлов воспомяну государю о духовной. Государь же повеле духовную совершити; всегда бо бяше у государя сие готово. Совершивше же духовную, начата..». Вероятно, «совершение духовной» 11 марта состояло в подписании государем или в оглашении в присутствии ближней думы ранее подготовленного текста, который теперь стал руководящим государственным документом ввиду возможного смертельного исхода болезни царя, ибо «бысть болезнь его тяжка зело; мало и людей знаяше, и тако бяше болен, яко многим чаяти, к концу приближися».

На следующее утро, 12 марта, царь приказал собрать «бояр своих всех», то есть всю Боярскую думу, и «почал им говорити, чтобы они целовали крест к сыну его ко князю Дмитрию, а целовали б в Передной избе, понеже государь изнемогаша вельми и ему при себе их приводити к целованию истомно». Князь Иван Михайлович Шуйский сделал возражение: «Им не перед государем целовати не мочно, перед кем им целовати, коли государя тут нет?» Окольничий Фёдор Григорьевич Адашев, ссылаясь на опыт боярского правления в детские годы

царствования Ивана Грозного, высказал мнение, что за Дмитрия, который «еще в пеленицах», будут править его ближайшие родственники -- Захарьины, а бояре служить им не собираются. Возникло всеобщее волнение: «мятеж велик и шум и речи многие во всех боярах». «И бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многие бранные», -- так ближние думцы и часть бояр, солидарная с ними, начали убеждать принести присягу тех бояр, которые не желали этого делать.

Тогда царь, указывая, что из-за болезни «я с вами много говорить не могу», произносит «жестокое слово», он делает три обращения: первое -- к отказывающимся присягать, упрекая их в том, что они забыли прежние свои клятвы: «... а целовали есте мне крест и ниоднова, чтобы есте мимо нас иных государей не искали»; второе -- к присягнувшим: в случае царской смерти «пожалуйте, попомните, на чем есте мне и сыну моему крест целовали: не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаи, пробежите с ним в чужую землю, где бог наставит»; третье обращение было к родственникам царицы Анастасии -- Захарьиным, которые, по-видимому, заколебались, слыша в отношении себя резкие речи и откровенные угрозы. Иван Грозный сказал: «А вы, Захарьины, чего испужались, али, чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете. И вы бы за сына за моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание бояром не дали».

Это обращение указывает на то, что преданность наследнику Ивана Грозного и воле царя проявила только часть ближней думы. Во главе верной части стояли боярин князь Владимир Иванович Воротынский и дьяк Иван Михайлович Висковатый.

Когда бояре закончили целование, «государь велел написать запись целовальную, на чем приводит к целованию князя Володимера Андреевича». Однако вызванный к царю, его двоюродный брат князь Владимир Старицкий «последний удельный Рюрикова дома» не захотел «на записи крест целовати». Иван Грозный, измученный болезнью обратился к боярам: «Аз не могу, а мне не до того; а вы на чем мне и сыну моему Дмитрию крест целовали, и вы по тому делайте». Бояре начали уговаривать Старицкого, «а говорил наперед князь Володимер Воротынский да дьяк Иван Михайлов». Речь Воротынского при этом изложена, в ней Воротынский делает важное заявление: «Тебе служить не хочу, драться с тобою готов, если государи прикажут». Затем «инии бояре» угрожали Старицкому: если «не учнет князь целовати, ему оттудова не выйти».

Владимир Андреевич «целовал крест поневоле» и после этого всё ещё оставался в царском дворце, тогда «посылал государь ко княгине з грамотою с целовальною, чтоб велела к той грамоте печать княжую привесить, боярина своего Дмитрия Федоровича Палецкого да диака своего Ивана Михайлова». Им пришлось трижды посетить мать Владимира Старицкого -- княгиню Ефросинию, прежде чем она велела привесить княжескую печать, говоря: «Что то де за целование, коли невольное», -- и «много речей и брани говорила».

Речи бояр и княгини Ефросинии стали известны царю в пересказе. В приписке было выделено, что позднее услышал царь: «А после того государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров, что говорили с ним бояре, а креста целовать не хотели, -- князь Петр Щенятев, князь Иван Пронской, князь Семен Ростовской: «Ведь же нами владеть Захарьиним, и чем нами владеть Захарьиним, а нам служити государю младу, и мы учнем служити старому князю Володимеру Андреевичу». «Да государю же сказывал окольник Лев Андреевич Салтыков, што говорил ему, едучи на площади, боярин князь Дмитрий Иванович Немой: «Бог-то знает, нас-де бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали; а как-де служити малому, мимо старого, а ведь-де нами владети Захарьиним».

Приписка завершается словами: «...и оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Андреевичем, а в боярах смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость». Автор приписки печалится о государстве, а не об оскорблении царского достоинства или о «ненависти зельной» к царице Анастасии Романовне Захарьиной.

В своём послании к Курбскому, который был хорошо осведомлён об этих событиях, царь напоминает: бояре «восхаташася яко пьяни», а едва царь поправился, «сий совет разсыпая». «Попу же Сильвестру и Олексею (Адашеву) оттоле не престающе вся злая советующе и утеснение горчайшее сотворити ... князю же Владимиру Андреевичу во всем убо хотение удержаше...» -- заканчивает Иван Грозный. И в приписке и в письме царя после рассказа о мятеже указывается, что события 1553 года послужили началом вражды между представителями правящего сословия Великого княжества Московского.

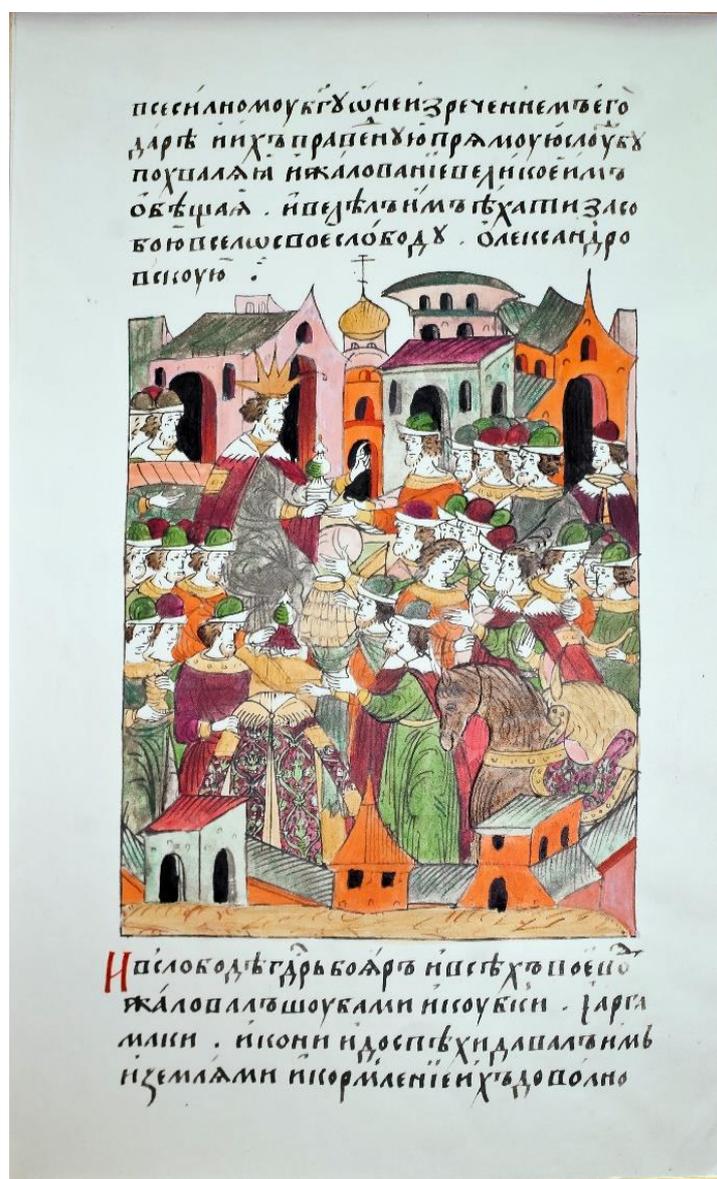
После своего выздоровления Иван Грозный не подверг опале никого из тех кто участвовал в расколе в Боярской думе 11 – 12 марта, об этом свидетельствуют документы середины XVI века. Однако у царя изменилось отношение к своему двоюродному брату -- князю Владимиру Андреевичу Старицкому. В новых крестоцеловальных записях, взятых с него в 1554 году, князь был существенно ограничен в своих действиях, а позднее в летописях его перестали именовать «государевым братом».

Царь Иван IV Васильевич принимает в Москве английского посла Ричарда Ченслора в 1553 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

В разрядных книгах и других документах из царского архива можно найти подтверждения того, что царь не наложил никакой опалы на мятежников после событий 1553 года.

Они как и прежде занимали почётные места на всех важных церемониях, происходивших в царских палатах. Упомянутый как изменник князь Пётр Щенятев в 1554 году по указу Ивана Грозного «приводил всех к присяге в верности государю, царице и царевичу Ивану Ивановичу». Судьба князя Ивана Ивановича Пронского не переменилась, он оставался воеводой и принимал участие в военных походах. Фёдору Адашеву -- мятежнику и отцу вдохновителя мятежников Алексея Адашева (таким представлен Алексей в письме к Курбскому), было пожаловано звание боярина. А названного первым среди мятежников князя Ивана Михайловича Шуйского, царь, отлучившись из Москвы в 1556 году, оставил своим наместником...

Царь Иван IV Васильевич раздает дары воеводам, отличившимся в военном походе в 1558 г.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Сообщение о боярском мятеже во время болезни царя в 1553 году не встречается больше нигде, кроме приписки в Царственной книге и упоминания в послании царя Ивана Грозного Курбскому. Этот эпизод русской истории XVI века, как и некоторые другие, стал известен благодаря изучению приписок в Лицевом летописном своде. Приписки в Синодальном томе и Царственной книге в большинстве случаев являются единственным источником тех сведений, о которых сообщают. Подлинные архивные документы Посольского приказа, записи в Степенной и разрядных книгах подтверждают что факты изложены в приписках точно и верно. В то же время приписки содержат ценные детали и подробности, указывающие на то, что их автору были хорошо известны многие обстоятельства происходивших событий.

Противоречия, встречающиеся в приписках Синодального тома и Царственной книги можно расценивать как единственные в своём роде свидетельства, отражающие перемены во взаимоотношениях тех, кто был наделён большими полномочиями и принимал участие в управлении государством; приписки помогают понять откуда «бысть вражда промеж государя и людей». Укреплявшаяся царская власть встречала сильное противодействие со стороны отдельных княжеских и боярских родов, терявших своё влияние. Это противостояние отразилось в описании царствования Ивана IV Васильевича, прозванного Грозным.

Лицевой летописный свод создавался в то время, когда преодолевая внутренние неурядицы, Великое княжество Московское постепенно становилось сильным государством, устойчивым к угрозам извне и способным отстаивать свою независимость в военных столкновениях. В Синодальном томе описание событий начинается с 1535 года и доходит до 1567, в Царственной книге повествование начинается с 1533 и прерывается в 1553 году.

Неизвестно была ли работа по созданию Лицевого летописного свода прекращена по каким-либо причинам или летописание продолжалось до последних дней жизни царя, до его кончины в марте 1584 года. Возможно страницы летописи с изложением истории после 1567 года пропали в Смутное время или после него, когда воцарилась династия Романовых.

Созданный в XVI веке Лицевой летописный свод, по сути, стал первым опытом составления пространной истории Руси. Эту летопись, столь масштабную по своему замыслу и воплощению, можно расценивать как уникальное явление русской культуры, которое не имеет аналогов в мире.

Невская битва. 15 июля 1240 года.
Новгородский князь Александр Ярославович со своей дружиной
сражается со шведами на реке Неве.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

**Куликовская битва. 8 сентября 1380 г.
 Великий князь Владимирский и Московский Дмитрий Иванович
 во главе русского войска сражается с ордой Мамаю на Куликовом поле.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.**

За многие годы изучения Лицевого летописного свода учёные так и не пришли к единому мнению по некоторым важным вопросам, например, о том, кому принадлежит идея создания летописи, кто занимался подбором материалов и редактировал тексты, о времени начала и завершения этой трудоёмкой работы, и, наконец, о том, кто был автором приписок в Синодальном томе и Царственной книге.

Исследование этого замечательного памятника русской культуры продолжается...

ТЕКСТ ПОДГОТОВИЛА ИРИНА СЕРАПИНИЕЕНЕ

О ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ XVI ВЕКА

При написании текста были использованы материалы:

Роман Пересветов «По следам находок и утрат» (М., 1961 г.);

Д.Н. Альшиц «Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени» («Исторические Записки» Т. 23, М., 1947г.);

Н.Е. Андреев «Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного» (Сборник «Труды отдела древнерусской литературы» Т. XVIII, М., 1962г.);

О.И. Подобедова «Лицевой летописный свод», «Датировка и состав хронографов Лицевого летописного свода»

(«Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания», М., 1965г.).